

Хищники и ядовитые змеи — дикие твари, способные отнять человеческую жизнь. Если они скрываются в глухих лесах и не выходят к людям, то каждый живёт своим путём, не мешая друг другу. Но стоит подобной угрозе проникнуть на землю, где часто ступает нога человека, ради общей безопасности в деревне обычно собирают крепких мужчин и устраивают облаву, чтобы устранить опасность.

Чаще всего это кабаны, разоряющие посевы, или ядовитые змеи, появляющиеся словно из ниоткуда. Та змея, что укусила Вэнь Ецая, как раз из таких. Она уже спустилась с гор на дорогу у подножия, а кто знает — вдруг доберётся и до самой деревни. Эти гады любят забираться в очаги и прятаться в котлах: нередко случается, что кто-то поутру снимает крышку с котла, а внутри — свернувшаяся змея, глазеющая на тебя своими глазами-бусинами.

Если вовремя не уничтожить, беды не избежать.

К счастью, Даван оказался надёжным: он запомнил, где именно змея появилась, и учуял её запах. Он повёл с собой пятерых-семерых человек, и те вернулись на место, где упал Вэнь Ецай, начали принюхиваться и прочёсывать округу. В итоге змею удалось выследить.

Мужчины подняли факелы, встали кругом и начали коптить змею дымом. Та в смятении металась, пока, окончательно ошалев, не рванула к месту, где стоял Сюй Пэн. Он, не дрогнув, занёс над нею лопату и с размаху ударил по самому уязвимому месту — прямо в семь цуней, убив её на месте.

- Лаотхэтоу - ямкоголовая змея*, — сказал Сюй Пэн, — обычная гадюка, что часто водится в горах, но страшно ядовитая.

Он вытащил змею из бамбуковой корзины — длинное извивающееся тело вызвало у всех мужчин, стоявших рядом, неприятный холодок по коже, а Вэнь Эрню просто закричала и закрыла глаза от страха.

(ПП: китайский хабу - вид ядовитых гадюк)

По местному обычаю, если в деревне мужчины вместе убивали дикого зверя, мясо обычно делили поровну по домам, а если добыча могла быть продана, то продавали, а деньги распределяли между участниками. Однако в этот раз никто не подумал о наживе — все понимали, что раз змея укусила Цай-гера, лучше отдать её лекарю Юй Шанчжи, вдруг понадобится для лечения.

Желчный пузырь ядовитой змеи — ценная вещь, используется как противоядие, в аптеке за него можно выручить хорошие деньги. Увидев пузырь, Юй Шанчжи, как человек медицины, не мог не загореться — но знал и местные порядки: змея была поймана не им, а потому, если он хочет получить что-то от неё — обязан выкупить по рыночной цене.

Судя по воспоминаниям прежнего хозяина тела, в нынешнее время пузырь ямкоголовой змеи

стоил не менее четырёх-пяти лян серебра. А у него в кармане и лян не наберётся.

Он спокойно покачал головой:

— Яд, что впитался в тело Цай-гера, можно вывести и без змеинового пузыря. Эта вещь редкая, вы лучше продайте её в городе и разделите серебро — не зря же вы старались.

Он вдобавок рассказал, как правильно извлекать желчный пузырь, сколько примерно он стоит и как его сушить и готовить для продажи.

Сюй Пэн, не мешкая, достал нож, тут же на месте вспорол брюхо змее, и, следуя указаниям Юй Шанчжи, вытащил пузырь без малейших повреждений. Он оказался размером с большой палец, светился изнутри зеленовато-прозрачным светом — самая дорогая часть тела змеи.

После того как змея была разделана, длинное тело порубили на несколько частей и раздали по участникам. Змеиное мясо — пища питательная, вкус у него особый, а потому для крестьян, не часто видящих мясо на столе, — это редкий деликатес.

Мужики с удовольствием забрали свои доли, и только Ху Дашу, дождавшись, когда все разошлись, настоял, чтобы свою часть оставить Юй Шанчжи:

— У нас Пин-гер боится змей пуще огня, и есть такое он тем более не станет. А мне кажется, это всё же хорошая вещь, Юй-ланчжун, ты уж возьми себе, приготовишь и съешь.

Юй Шанчжи отнекивался, но против настойчивости Ху Дашу не устоял — знал, что тот человек упрямый и добрый. В итоге пришлось с благодарностью принять.

— Спасибо тебе, брат Дашу.

Тот только глуповато усмехнулся, показав все зубы:

— Ты и Цай-гер — спасители нашего Сяо Дие-гера. Если что понадобится — зови, и хоть среди ночи, хоть на другой конец деревни — я прибегу!

Ху Дашу ушел, а Вэнь-эрню притащила назад рыболовную корзину. В ней лежали две крупные рыбы, но, увы, вода в корзине давно вылилась, и рыба уже всплыла брюхом — начала портиться. Всё же мясо было добротное, таких рыбин хватит на несколько трапез. Удалось вернуть — значит, усилия Вэнь Ецая не были напрасны.

Вэнь-эрню продела верёвку сквозь жабры и повесила рыбу в тени. Ночь выдалась прохладной, рыба сохранится до утра, а уж тогда и сварит на обед.

Время перевалило за полночь. Юй Шанчжи велел Вэнь-эрню и Вэнь-санъя после умывания ложиться спать. Дети ещё тревожились за старшего брата, но послушаться не посмели — как бы мягок ни был брат Юй на первый взгляд, но когда становился серьёзен, то даже сам Вэнь Ецай выглядел на его фоне мягким.

Убедившись, что оба ребёнка уже мирно спят, Юй Шанчжи, с трудом справляясь с навалившейся усталостью, вернулся в комнату. Даван, беспокоившийся за хозяина, в этот раз, вопреки обыкновению, не ушёл ночевать в сарай у ворот, а устроился прямо посреди двора — и двери присматривать не мешает, и звуки из дома уловить можно. А Эрван, видимо, почувствовал, как мрачно выглядит Юй Шанчжи и как безжизненно лежит Вэнь Ецай, — остался в комнате, улёгся у изножья кровати.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда Юй Шанчжи вдруг ощутил, как Эрван тянет его за край одежды и лижет ладонь. Он резко поднял голову, досадливо провёл рукой по лбу — как же так, стоило только на миг прикрыть глаза, и он незаметно задремал.

Проснувшись, он тут же потянулся к кровати, чтобы нащупать запястье Вэнь Ецай и проверить пульс. Но не успел коснуться — как его ладонь неожиданно сжали.

Первой реакцией было удивление: неужели за это короткое время Вэнь Ецай уже очнулся?

— Ты только что очнулся? Всё из-за меня — заснул, прости. Как самочувствие? Где-то болит? — тихо проговорил Юй Шанчжи, мягко сжимая ладонь Вэнь Ецай и проверяя его пульс.

Вэнь Ецай внимательно всматривался в выражение лица собеседника: между изящно изогнутыми бровями Юй Шанчжи залегла лёгкая складка, длинные ресницы едва заметно подрагивали, отбрасывая на щёки полупрозрачную тень. А в этих потемневших от усталости глазах вдруг светилась такая искренняя забота — подобной он прежде в них не видел.

— Я... — в теле ощущалась та самая ватная слабость, что наступает после долгой горячки. Он замолчал на полпути, собираясь с силами. — Немного кружится голова, и ноги ноют... А в остальном вроде бы ничего.

Услышав это, Юй Шанчжи протянул руку и коснулся его лба — всё ещё немного жарко.

Вэнь Ецай, сам не свой от боли и изнеможения, в какой-то миг и сам не понял, как это произошло: прохладная ладонь, что легла на его лоб, оказалась до того приятной, что он... будто бы сам собой, инстинктивно, как пёс Эрван, потёрся щекой о её тёплую внутреннюю сторону.

Словхватившись, он тут же застыл, напрягшись до кончиков ушей.

Юй Шанчжи, хоть и не видел его лица, был явно ошарашен этим жестом. Рука невольно

замерла в воздухе чуть дольше, чем стоило бы, а потом, как бы между делом, как бы случайно — скользнула к волосам и аккуратно пригладила взъерошенную прядь.

Повисла короткая тишина. Вэнь Ецай, судорожно подбирая слова, решился отвлечься и пересказать, как именно его укусила змея на склоне горы, когда он возвращался вниз.

- ...Я тогда почувствовал, будто что-то ударило по ноге, в ту же секунду боль стала такой резкой, что у меня потемнело в глазах — сразу понял, дело плохо. Думал, змея уже уползла в траву, а она, оказывается, там и затаилась. Улизнула она быстро, я даже не разглядел, что за змея, а нога уже сразу онемела. Я поспешно взял нож, разрезал рану, хотел выдавить отравленную кровь, но после пары попыток стало тяжело дышать, а дальше уже всё как в тумане — что было потом, не помню вовсе.

Юй Шанчжи, выслушав рассказ, подхватил настроение Вэнь Ецай, тоже постарался забыть только что случившееся и сообщил ему, что змею уже поймали и зарезали Сюй Пэн и Ху Дашу с людьми.

- Это была лаотхэтоу - ямкоголовая змея. Хорошо ещё, что как раз в тот момент дядя Сюй Пэн с тётёй Цуйфэнь проезжали мимо с тележкой, Эрню их попросила помочь, вот они и поспешили, как могли, доставить тебя домой.

Вэнь Ецай вздрогнул, услышав, что его укусила лаотхэтоу. Кто, как не он, охотник, мог знать, насколько смертелен яд этой змеи? Если бы не Юй Шанчжи, ему, пожалуй, уже пришлось бы отправиться на тот свет, к отцу с матерью.

- Если бы не ты, мне бы в этот раз точно конец пришёл, — проговорил он, коснувшись груди, с выражением ещё не успевшего улечься страха.

- И ведь странно, — добавил он, — охочусь столько лет, и ни разу не был укушен змеёй. А тут — первый раз, да ещё как раз после того, как ты вошёл в дом. Может, это мои родители с небес тебя ко мне послали, чтобы отвёл беду с кровью*.

(ПП: идиома 血光之灾 — «беда, связанная с кровью, ранениями, смертью»).

Юй Шанчжи подумал, что Вэнь Ецай сейчас, должно быть, мучается от боли, а он при этом ещё способен рассуждать о таких вещах — и не знал даже, что на это ответить. Да и если подумать: стоило ему войти в дом, как на Вэнь Ецай тут же обрушилось несчастье. Если бы он был женой, а не мужем, ему бы, пожалуй, уже приписали злую судьбу, приносящую несчастье супругу.

Но Вэнь Ецай думал иначе: он верил, что беда была предначертана судьбой, а Юй Шанчжи — это благородный человек, посланный свыше, чтобы ему помочь. Такой ясности духа у самого Юй Шанчжи, по его собственному признанию, не было. Он покачал головой, глядя на этого паренька с грустью и бессилием, полным сердечного участия.

- Поменьше говори, лучше поспи немного. Яд из тела уже выведен, ещё три дня будешь пить противоядие — как только рана на ноге заживёт, всё пройдет.

Опаснейший змеиный яд в устах Юй Шанчжи звучал как пустяк — в его голосе было столько спокойствия, что это и впрямь успокаивало.

А Вэнь Ецай и так едва держался от усталости: послушно умолк, уткнулся в подушку. Сначала он чувствовал боль в ноге, но вскоре начал клевать носом и, сам не заметив, уснул. Юй Шанчжи поправил ему одеяло и тихо просидел рядом несколько долгих мгновений. Лишь когда убедился по его ровному, глубокому дыханию, что тот крепко спит, он вполголоса отдал команду Эрвану.

Эрван, вильнув хвостом, вышел за дверь и улёгся рядом с Даваном посреди двора. Они оба чувствовали, что в доме всё иначе, чем обычно, — то и дело поднимали головы, насторожённо вглядываясь в темноту, готовые к любому неожиданному опасению.

А в доме Юй Шанчжи всё ещё колебался. Только утром говорили, что с этого дня будут спать в разных комнатах, и тут же случилась такая неожиданность. Он должен был остаться на ночь, чтобы присматривать за гером, но провести всю ночь на жёстком стуле казалось мало осуществимым.

Это была главная комната, кровать здесь больше, чем в восточной, — если он будет вести себя сдержанно, то, пожалуй, это не сочтут за дерзость.

Хотя он и говорил себе так, прекрасно понимал: Вэнь Ецай сейчас спит без чувств, и что бы он сам ни делал, ни думал — всё это лишь суетные тревоги, придуманные им самим.

В конце концов, решив не мучить себя лишними мыслями, он перестал ломать голову. Сев у края кровати, он медленно снял верхнюю одежду, обувь и носки, затем осторожно лёг рядом с Вэнь Ецаем. С тех пор как он ослеп, всё стало неудобным, и последние несколько дней Вэнь Ецай заботился о нём. Но теперь, когда случилось несчастье с самим Вэнь Ецаем, он сам мог сделать для него совсем мало, зато думал бесконечно много.

Оглядываясь назад, он понимал, что никогда всерьёз не представлял себе, как это — с кем-то создать семью, жить вместе, поддерживать друг друга и даже растить детей. Когда-то в самом начале он был потрясён самим существованием геров — парней вроде Вэнь Ецая, ломавших привычные представления, — но поскольку сам давно знал, что его влечёт к мужчинам, это не стало чем-то решающим.

Если теперь попытаться мысленно поставить Вэнь Ецая на место «партнёра» — это по-прежнему казалось немного странным. Однако если задуматься, то, возможно, он уже и не возражал бы против совместной жизни с ним.

Он начинал ловить себя на том, что ждёт его слов, что предвкушает какую-нибудь поездку в

будущем, только потому что они могли бы отправиться туда вместе. А теперь, видя, как он отравлен и ранен, чувствовал, как всё внутри у него сжимается от тревоги и страха.

Под покровом ночи луна сияла ярко, но для слепого человека это не имело никакого значения. Очередная ночь прошла в молчаливом противостоянии с тьмой: он лежал с открытыми глазами, без намёка на сон, разбирая в голове спутанные, как пучок нитей, мысли.

Прошло три дня.

Вэнь Ецай, которого Юй Шанчжи заставил отлеживаться и восстанавливаться дома, к концу уже почти сходил с ума от скуки. Едва пережив самые тяжёлые первые трое суток и снова сумев встать на ноги, он тут же нетерпеливо схватил деревянную палку, которую Юй Шанчжи заменил на бамбуковую трость, и, прихрамывая, начал снова туда-сюда, не находя себе места.

Единственное время, когда он хоть немного успокаивался — это когда садился на порог, поджимая под себя ноги, и, склонившись над корзинкой с нитками, шил кошелек.

И вот как раз в этот момент с улицы раздался голос Су Цуйфэнь — она звала у ворот, говоря, что принесла лекарства, которые обещала. В прошлый раз Вэнь Ецай купил семь доз отвара и Вэнь-санъя уже выпил всё до капли, теперь нужно было пополнить запас. Сам он в город добраться не мог, поэтому попросил Сюй Пэна, который каждый день работал на пристани, прихватить всё необходимое по пути.

Су Цуйфэнь вошла в дом, поставила свёрток с лекарствами и с порога сказала:

- Желчный пузырь той самой лаотхэтоу мы уже продали в городе. Муж велел передать благодарность Юй-ланчжуну.

<http://bllate.org/book/13600/1205932>